

# КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК «МАНИФЕСТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ?»

Сообщение В. П. Козьмина \*

Как известно, первый перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» вышел в свет осенью 1869 г.: русская почта впервые задержала экземпляр этого издания, посланного в Россию, 8 ноября 1869 г. («Каторга и ссылка», 1933, № 3, стр. 173—174). Автором этого перевода принято было считать М. А. Бакунина. Маркс и Энгельс писали в предисловии к более позднему изданию «Манифеста», вышедшему в 1882 г. в переводе Г. В. Плеханова: «Первое русское издание „Манифеста Коммунистической партии“ в переводе Бакунина появилось в начале шестидесятых годов, в типографии „Колокола“» (Соч., т. XV, 1935, стр. 600). Об этом же говорит и письмо Н. И. Утина к Марксу от 1 ноября 1872 г., в котором Утин сообщал, что Бакунин и Нечаев «действительно перевели „Манифест Коммунистической партии“ и издали его на русском языке в числе прочих брошюр...» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Переписка с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 63).

Однако в «пражской коллекции» сохранилось письмо Людвиг Чернецкого к Огареву, которое вносит новое в вопрос о том, кто был автором первого русского перевода «Манифеста».

Вот это письмо:

27 сентября 1869 г.

Любезнейший Николай Платонович!

Статью «Манифест Коммунистической партии» две недели тому назад вы мне отдали для печати вашими собственными руками, прибавляя, что это перевод из немецкого и хотя совсем не подходит к пропаганде, которую теперь печатаем, все-таки 1000 экземпляров следует напечатать.

Вот всё, что я знаю от вас об этой статье. Откуда же она взялась у вас — этого уж никак нельзя объяснить.

Дружески жму вам руку

Л. Чернецкий

Из этого письма мы узнаем об обстоятельствах, сопровождавших печатание перевода «Манифеста» в типографии «Колокола».

Письмо Огарева, на которое отвечает Чернецкий, нам неизвестно. Но ясно, что Огарев, передав рукопись в типографию, забыл о ней и перестал ею интересоваться. Когда же Чернецкий напомнил ему о ней, Огарев, очевидно, не мог представить себе, откуда взялась эта рукопись. Недоумение Огарева и вызвало публикуемое письмо Чернецкого.

---

\* Печатается в порядке обсуждения.— *Ред.*

Однако трудно допустить, что Огарев так мало занимался бы рукописью, если б автором перевода был Бакунин. Надо думать, что Бакунин интересовался бы судьбой рукописи и торопил бы Огарева. Да и сам Огарев, конечно, не забыл бы, откуда взялась у него эта «статья», будь она передана ему Бакуниным, с которым он находился в столь близких отношениях.

Далее, зачем было Бакунину, жестоко враждовавшему с Марксом, браться за популяризацию произведения своего политического противника, притом произведения, так не подходившего к пропаганде Огарева, Нечаева и Бакунина? Правда, в это же время Бакунин принялся за перевод «Капитала». Однако он начал эту работу из чисто материальных соображений, в расчете на гонорар, причем делал ее с такой неохотой, что не мог довести до конца и очень скоро бросил. А рассчитывать на гонорар за «Коммунистический манифест», конечно, не приходилось.

И в письмах Бакунина тех лет нигде не отразилась его работа над переводом «Манифеста», в то время как упоминания о переводе «Капитала» встречаются неоднократно.

Наконец, если Маркс и Энгельс не помнили точно, в каком году вышло первое издание «Манифеста» на русском языке («начало шестидесятых годов» вместо 1869 г.), то не исключена возможность, что они ошиблись и в имени переводчика.

Итак, письмо Чернецкого позволяет по-новому поставить вопрос о первом переводчике «Манифеста» — вопрос, ответить на который в настоящее время, до того, как найдутся какие-либо новые документы, невозможно. Думается, однако, что версия о причастности к этому переводу Бакунина сейчас может быть отброшена. Мы знаем, что среди русской молодежи в конце шестидесятых годов были люди, живейшим образом интересовавшиеся Марксом и его учением. К ним принадлежали Александр Александрович Серно-Соловьевич, Н. Н. Любавин и др. Н. Н. Любавин, живший в то время в Лейпциге, 20 февраля 1869 г. обратился к И.-Ф. Беккеру с просьбой выслать ему пять экземпляров «Манифеста Коммунистической партии» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 155). Не предполагал ли он заняться переводом? И не исключена возможность, что, переводя «Манифест», он обратился к Огареву с просьбой напечатать его. Огарев, хотя и неохотно, согласился, — а не будучи знакомым с Любавиным, мог легко забыть об этом. К тому же неизвестно, знал ли Огарев, кем был написан «Манифест Коммунистической партии». Напомним, что первое его издание вышло в 1848 г. анонимно. Без обозначения фамилий авторов вышел и перевод 1869 г.

Таким образом, новонайденное письмо Чернецкого ставит перед исследователем вопрос, нуждающийся в дальнейшей разработке.